

О. П. Зубец¹

ЕДИНСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ УНИКАЛЬНОСТИ

Круг проблем, объединенных темой ценностей и смыслов культуры, включает и вопросы, связанные с тем, что каждая культура, рассматриваемая в про-

¹ Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время», «Возраст: особенности нравственной жизни»; статей «Аристократизм как основание поступания», «Ложь как самоустранение», «Megalopsychos, Magnanimus, Величавый», «Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали», «О гордости», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте» и др.

странстве множественности культур и таким образом рядоположенная им, осознает саму себя в качестве ценности и видится со стороны в качестве ценной, в первую очередь посредством понятия уникальности. Можно сказать, что сама уникальность выступает в качестве ценности, причем такой, которая лежит в основе всех других ценностей, специфических для данной культуры. Тем не менее понятию уникальности в контексте фундаментальной философско-этической проблематики противостоит понятие единственности,

позволяющее особым образом задать основания диалога культур и самосознания отдельной культуры. Обращение к понятиям единственности и уникальности обусловлено не стремлением добавить в философско-этический обиход несколько новых терминов, но значимостью понятийной ситуации, ни описание, ни анализ которой без них невозможны. Эти понятия в определенном отношении формируют ее сердцевину. Речь идет о совокупности проблем, в центре которых — понятия морального субъекта и морального поступка (хотя слово «моральный» можно было бы снять, так как данные словосочетания тавтологичны), то есть о понимании самой морали. В то же время эти понятия имеют определенную историю рассмотрения в диспутах, посвященных диалогу культур. Их задание в рамках философской этики позволяет выйти на особое этическое понимание проблем этого диалога — через призму теоретического и нормативного видения.

Идея единственности субъекта индивидуально ответственного поступка высказывалась М. М. Бахтиным, Ханной Арендт, а в современной российской философии — А. А. Гусейновым (Х. Арендт подчеркивает единственность мыслящего человека, не нарушаемую даже его неизбежной раздвоенностью в акте мышления, о морали же она говорит как о затрагивающей человека именно в его единственности). Субъект морали абсолютно единствен (и в этом абсолютен) в силу того, что он является единственным основанием поступка, так что всякое ограничение этой единственности означало бы, что поступок имеет и другие причины, а значит, субъектность и тождественная ей ответственность невозможны. Субъект морали является единственным в силу своей абсолютности, подобно тому как единствен любой абсолютен, — сомнение в этом порождает лишь противоречие в понятии. Единственность в таком случае — именно то, что есть прямой смысл данного слова: не существует ничего/никого иного, а лишь одно, что неизбежно тождественно всему бытию, так как любое ограничение означало бы множественность. Эта древняя мысль рождается заново при философской попытке задать субъекта морали: он оказывается тождественным индивидуально ответственному поступку, который также единствен и абсолютен, и всему моральному пространству, всему ценностному бытию. Для М. М. Бахтина эта единственность долженствующая: никто и ничто не может быть автором моего поступка, что и делает меня ответственным субъектом (на моем месте в пространстве бытия не может быть никого иного уже в силу того, что на нем есть я). Но и поступок абсолютен — как моральный, он не является выводом из прошлого или переходом к будущему, но сам порождает их и охватывает бытие как вневременное (любая попытка задать поступок иначе означает вписывание его в «паутину» детерминаций и лишение его моральной природы). Таким образом, пространство морали оказывается пространством единственного субъекта и единственного поступка.

В морали человек одинок. Более того, его одинокая единственность долженствует не только в ответственности поступания, но и требует от него быть всемирным законодателем, не уклоняться от того, что опре-

делено его единственностью (о чем и говорит Кант). И никакие самые благоприятные жизненные обстоятельства не могут избавить его от самого себя в пространстве морали. Отсюда — известное античное изречение: лучше пострадать от несправедливости, чем совершить ее: ведь совершивший несправедливость навсегда остается неразлучным с «собой-преступником». Тема прощения коренится скорее не в морали: человек не может простить сам себя, если не он жертва поступка. И сам поступок для него есть он сам, его собственное бытие, по отношению к которому он не может занять внешнюю, оценочную, прощающую или непрощающую позицию. Он не может и забыть поступок, только если лишится сознания и перестанет быть моральным субъектом: ведь поступок не существует во времени, утекающем в прошлое, он всегда актуален, всегда сиюминутен. Для него, в отличие от правового деяния, нет срока давности, и «я», совершивший недопустимое, всегда и всюду таков.

Единственность субъекта морали определяет и ответственность *за все* — за все, произошедшее в прошлом и возможное в будущем, точнее — за все, что пребывает со мной как *мое* вне времени: в этом смысле и смерть Сократа, и преступления фашизма находятся в поле моей индивидуальной и единственной ответственности как мои поступки, которые я не могу простить и исключить из своего бытия; я не могу, оставаясь субъектом морали, помыслить их как не свои. И помыслить некоторое событие, явление, не исключая и не теряя его авторства, ответственности за него, его субъектности, возможно только через понятие единственности.

В пространстве познания единственный как субъект поступка оборачивается «ничто»: его нельзя определить, задать с помощью описания (так неуловимо человеческое «я», которое всегда оказывается за спиной смотрящего), он сопротивляется любому объективированию, рассмотрению в качестве объекта, без чего не может обойтись познание, но, более того, своей единственностью отменяет любую возможность существования и познающего. Единственный в пространстве познания есть *ничто*, подобно всякому абсолюту. И он же — как абсолютное начало, единственная причина — является *всем* в пространстве поступка, и его взгляд обращен не на себя, но от себя.

Содержание понятия «уникальность» при поверхностной схожести совершенно иное, можно даже сказать, несовместимое с «единственностью». То, что трудноуловимо с помощью традиционного теоретического описания, легко схватывается в языке: он сопротивляется таким словосочетаниям, как «уникальный Бог», «уникальный “я”», «уникальный поступок», «уникальный Пушкин», — язык чувствует эту несовместимость как неприменимость определения «уникальный» к тому, что является единственным. И ничто не мешает нам говорить о единственности Бога, «я», поступка и Пушкина.

Уникальность — понятие, в котором предпринимается заранее обреченная попытка прийти к «единственности» через познание и оценочные суждения на основе сравнения, сопоставления, оценки в превосходной

степени. Оно выражает превосходство в одном или нескольких отношениях. Его пространство — познание и оценка, это пространство познающего разума, решающего конкретные задачи рассудка и разного рода оценивания. Оно основано на ограничении (самим собой, своим разумом) того, что хотят задать в качестве ничем не ограниченного, — и уже в этом оно глубоко противоречиво: в нем скрыта безуспешность попытки перейти от уникальности к единственности. Спор об уникальности события есть процедура познающе-оценивающего, сопоставляющего, аргументирующего разума, вписывающего это событие в ряд других (причинный ряд, ряд сопоставлений и т. п.), и она совершенно исключает возможность видения события как поступка, то есть видения его в пространстве морали, индивидуальной ответственности.

Для меня принципиальное, сущностное различие, несовместимость единственности и уникальности стали очевидны при обращении к теме Холокоста, знакомстве с дискуссиями, касающимися этического взгляда на это событие, большая часть которых начиналась с обсуждения степени его уникальности, как бы его права быть рассматриваемым в большей степени, чем другие примеры геноцида. Независимо от ответа на последний вопрос, в самой логике такого рассмотрения воспроизводилась логика нацистов, подходивших к решению еврейского вопроса рационально, научно, с привлечением как современных технических, так и интеллектуально-духовных сил. Дискуссия об убийстве, уничтожении народа превращалась в своего рода теоретический диалог о возможности убийства, достаточности его оснований — и она не может быть иной, пока остается в пространстве познания, пока Холокост есть лишь уникальное событие, превышающее другие по описываемым количественным показателям. В пространстве морали и адекватном ему этическом рассмотрении о Холокосте невозможно говорить, так как он выпадает из пространства человеческого бытия, это то, чего вообще не должно быть (Х. Арндт): о нем нельзя говорить как об объекте познания и оценки. Но его можно увидеть в оптике ответственного субъекта, и тогда он становится абсолютным и единственным поступком единственного субъекта. В этом случае ответственным за него (а мо-

ральная ответственность не подвержена делению, ограничению, разделению с кем-то) является каждый из нас, любой, считающий себя ответственным за поступок, а следовательно, и за весь мир, в котором он совершается и которым он создается. Это видение Холокоста как собственного поступка есть включение его в моральное пространство. Оно означает одно: абсолютный запрет на убийство, такой запрет, который выводит вопрос об убийстве из области рационального рассмотрения, сферы решений человека.

Вернемся к противостоянию понятий единственности и уникальности, к тому, как оно проявляется при обращении к проблемам диалога культур. И первый вопрос, который можно было бы задать: каким образом возможно понимание культуры как уникальной? Если культура сама себя определяет в этом качестве, то это противоречит содержанию уникальности, предполагающему сравнение, сопоставление, оценку, ранжирование, то есть взгляд некоего внешнего исследователя, сопоставляющего разные культуры. Если сама культура претендует на такую роль, то это вряд ли способствует диалогу культур. Даже идея несопоставимости культур есть своего рода вывод из возможности сопоставления. Понятие единственности культуры выводит ее из этого объективирующего пространства познающего оценивания, но выражает ее авторство мира, в котором существуют и другие культуры, в некоторой степени видные в ее оптике и за которые она также ответственна. Она видит другие культуры как свои, значимые для себя: они — формы ее самой, так как воспринимаемы ею в силу того, что она культура. И «я», будучи персонализацией культуры, единствен — во мне и через меня существуют и другие культуры как иные.

Помыслить собственную единственность невозможно, так как она задана взглядом «от себя». Уникальность мыслится, описывается, но уничтожает сама себя (подобно зеркальной комнате Леонардо да Винчи, в которой попытка увидеть себя одного оборачивается бесконечным многообразием и бесчисленностью). Так, культура как уникальная видит в мире лишь бесчисленные отражения себя самой, а культура как единственная видит мир как мир культуры и тем самым берет на себя ответственность за иное не как отражение себя, а как за свой мир.